

Мошь и нежность

Звезды этого века

Молодые пианисты Александр Мельников и Ольга Пушечникова-Керн, выступившие в одном концерте с ГСО радио и ТВ под управлением П. Сорокина, сошлись, конечно, не как "лед и пламень", но довольно ясно продемонстрировали, что "Звезды XXI века" (так назвала Московская филармония этот концерт) — это не просто высококачественная поточная продукция, но все еще и артистические индивидуальности (весьма различные, если говорить о данном случае).

Александр Мельников, музыкант вдумчивый и требовательный к себе, к Пятому концерту Бетховена подошел с намерениями самыми серьезными, которые, правда, создали некоторую дисгармонию с их реальным звуковым воплощением. Создается впечатление, что молодой пианист как будто "лепит" за роялем, постоянно что-то показывая, доказывая и стараясь проговаривать все предельно внятно и громко. При этом цельная картина никак не складывается: звуковой размах еще не гарантирует столь важного в Бетховене умения охватить целое и держать в напряжении; к качественно выигранным пассажам и двойным нотам порой запросто "пришиваются" замысловато фразированные, изящные "завитушки", а вспышки вдохновения (к коим, несомненно, принадлежит Adagio, где на сей раз можно было уловить нечто парящее "над нотами") гасятся ремесленнической рутиной. Обладая прекрасной техникой и пианистической мощью, Мельников нередко демонстрирует жесткое, прямолнейное туше, слегка напоминающее тот "крепкий звук", которым играют упражнения Ганона. Он словно задался целью убедить нас в том, что рояль — все-таки инструмент ударный и бороться с ним можно только насильственными методами.

Возникшее было предположение о крайней неподатливости самого обыкновенного "Стейнвея" мгновенно рассеялось, когда к нему прикоснулась Ольга Пушечникова-Керн. Возможно, и не женское это дело — играть Третий концерт Рахманинова, но изящная пианистка сию нелегкую ношу несет весьма непри-

нужденно, в своей интерпретации сочетая волевою энергию, мудро взвешенную долю куража и импонирующую женственность. Некоторая нехватка физической силы умело компенсируется податливой гибкостью игры, а отсутствие "железного нерва" — умением владеть ситуацией, но не преодолевая, а лишь "приспосабливаясь к предлагаемым обстоятельствам" — будь то инструмент, оркестр или порождаемые музыкой эмоции. Среди прочих достоинств Пушечниковой — теплый, бархатисто-обволакивающий (если не сказать "уютный") звук, "по-кошачьи" мягкое, благородное туше и органичная пластика фразировки. В сумме — "опрятная", умная и стильная игра, а также удивительная комфортность восприятия: слушаешь внимательно и с удовольствием, хотя вполне осознаешь, что никаких захватывающих откровений в душе не унесешь. Может быть, стоит пожалеть, например, о том, что феерический вальсовый эпизод из 2-й части лишился своего тончайшего причудливого флера: с легкой руки пианистки он оказался "игрой в бисер" — виртуозным и ловким жонглированием звуками, которое, оказывается, тоже увлекает.

Возможно, в случае с рахманиновской музыкой это и не самый сильный комплимент, но вдохновенными восприятиями и эмоциональной экзальтацией игра Пушечниковой-Керн небогата: все здесь умеренно, взвешенно и, если хотите, конвенционально. Однако при отсутствии оригинальных находок и явных намерений интерпретировать музыку остается впечатление не просто добротности, но цельности исполнения. Позволив себе некоторую категоричность, можно утверждать, что это была типично "женская" игра — но в самом что ни на есть хорошем смысле. Ведь Пушечникова-Керн — из тех дам, которые, без видимых усилий выполняя "мужские" задачи, не теряют при этом обаяния женственности. Так что финальные "браво" в свой адрес талантливая, целеустремленная и симпатичная пианистка вполне заслужила.

Лада АРИСТАРХОВА

Пушечникова-Керн — 2001 — 27 Дек. — с. 13